

ОТВЕТЫ НА НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ ¹

Вопрос 1. Несет ли ученый моральную ответственность за участие в проектах по созданию оружия массового уничтожения? Многие крупные ученые, участвовавшие в таких проектах, задумывались о том, насколько «страшными, нечеловеческими делами» они занимались (Сахаров, Тамм). По существу ученые работали на диктатора. Кстати, Сахаров в своих воспоминаниях ставит под сомнение тезис о «хорошей физике».

Ответ. По моему мнению, ученый, вообще говоря, несет ответственность за участие в работе над оружием массового уничтожения. Однако универсального суждения сделать нельзя, все зависит от ситуации, поэтому я и вставил выше слова «вообще говоря». Например, Эйнштейн в значительной мере инициировал начало работы над созданием атомной бомбы в США. Были ли его действия оправданны? Несомненно, да, ибо он и его коллеги сознавали страшную угрозу в случае, если бы гитлеровская Германия получила бомбу раньше, чем союзники. По этому поводу я был недавно возмущен, когда прочел в журнале *Physics Today* (июль 2000, с. 38) о том, что Гейзенберг позволил себе публично упрекать Эйнштейна в связи с упомянутой его инициативой. Вот уж буквально «чья бы корова мычала, а твоя бы молчала», ибо Гейзенберг был одним из руководителей немецкого «уранового проекта». И еще совсем не ясно, почему немецкие физики не добились «успеха» (они сделали несколько грубейших научных ошибок, а попытки объяснить это сознательным или подсознательным нежеланием делать бомбу весьма спорно) ². Все известные мне советские физики (в частности, Тамм и Сахаров) оправдывали свое участие в атомном проекте необходимостью догнать США, т. е. не допустить монополии США на обладание бомбой. И действительно, наличие страшного оружия не у одной, а у двух или нескольких сторон, до известной степени стабилизирует ситуацию — возникает «равновесие страха». Я сам участвовал в известных пределах в создании советской водородной бомбы (1948–1953), но возможность ее агрессивного применения Советским Союзом мне тогда

и в голову не приходила. Убежден, что так же думал и Тамм, и вообще все, с кем приходилось говорить совершенно откровенно. Здесь очень существенно также, что мы не понимали истинного лица и роли Сталина. Правда, недавно я узнал, что один известный советский физик занимался работой над бомбой, хотя и знал цену Сталину и действовал тогда в силу вполне обоснованного страха. Но тогда он молчал, и я его не порицаю (фамилию все же называть не хочу). Ваш коллега М. Хейфец, да и некоторые другие, сомневаются в сказанном о нашей слепоте³, но это несомненная правда. Долго об этом писать. Поймете, если, например, прочтете книгу А. Н. Яковлева «Омут памяти» (М.: Вагриус, 2000) (см., например, главу четвертую). Сейчас и, конечно, уже давно я понимаю, что Сталин был архибандитом и, не задумываясь, применил бы любое самое страшное оружие, если бы считал это нужным для достижения своих людоедских целей. Великое счастье для человечества, что Сталин и Гитлер не овладели первыми атомным оружием.

Возвращаясь ближе к Вашему вопросу, я могу повторить: мера ответственности зависит от многих факторов, в первую очередь, от понимания целей создания оружия. Я, безусловно, оправдываю создание оружия для защиты своей страны от агрессоров и бандитов.

Вопрос 2. В чем истинная причина редкостного энтузиазма советских физиков в 40–50-х годах — жажда познания, «technical sweet» или тривиальный страх за свое существование?

Ответ. В находящемся в печати втором издании моей книги «О науке, о себе и о других» я специально касаюсь этой темы. Один известный англо-американский физик, посетивший СССР в конце 50-х годов, объяснил энтузиазм советских физиков так: «Ведь у них больше ничего нет!» Имелось в виду то обстоятельство, что в материальном отношении жить нам было трудно, общение с заграницей было крайне затруднено, да и жили мы в тоталитарном государстве. Поэтому работа, наука были для нас всем — отдушиной, и даже наркотиком. Признаюсь, что длительное время был согласен с этим диагнозом. Но сейчас понял, что это правда, но далеко не вся правда. В самом деле, несмотря на все недостатки жизни, в современной России мы можем ездить на конференции и вообще свободно общаться с коллегами во всем мире, цензура отсутствует, мы, в общем, свободные люди. Прежнего же энтузиазма у большинства нет. Объясняется это резким уменьшением финансирования науки и изменением отношения к ней в стране. В СССР физик был в почете. Занятие физикой (в отличие от занятий подлинно научной биологией) было престижно. Сейчас же ученый в России в среднем обеспечен значительно хуже секретарши в какой-либо фирме, а научная деятельность не престижна. Поэтому многие ученые уезжают за границу или уходят в бизнес

и т. п. Даже на людях, горячо любящих науку, такая ситуация сказывается.

Вопрос 3. Осуждаете ли Вы политиков (Трумэна, отдавшего приказ, и Черчилля, санкционировавшего этот приказ) за применение атомной бомбы?

Ответ. Насколько знаю, без применения атомного оружия союзники, да и японцы, до окончания войны понесли бы огромные потери. Если это действительно так, то я не вижу оснований упрекать Трумэна и Черчилля. Но все же можно было, вероятно, ограничиться одной бомбой и предупреждением о возможности сбросить вторую⁴.

Вопрос 4. Ученый и политик — что общего в этих двух профессиях и что отличает одну профессию от другой? Ученый и политик в одном лице — нонсенс?

Ответ. Спектр ученых и политиков очень широк, и я не вижу между ними пропасти. Тот факт, что среди политиков больше жуликов и, вообще, нечестных людей, не кажется мне законом природы. Да и среди ученых немало недостойных людей. Общего же много в любой интеллектуальной деятельности.

Вопрос 5. Зачем в наше время нужны фундаментальные научные исследования? За 400 лет бурного развития науки и техники человек не стал более нравственным и благородным, более того, технический прогресс ведет к духовной деградации личности. Молодежь меньше читает, поделки масс-культуры вытесняют классику.

Ответ. Успехи науки за 400 лет привели к колоссальному прогрессу в жизни общества. Человек не стал более нравственным и благородным, но избавился от многих болезней, стал дольше жить, перед ним открылась масса новых возможностей. В основе же развития науки лежат как раз так называемые фундаментальные исследования. Такие исследования необходимы для развития человечества. Я убежден в том, что отдельные отрицательные моменты, связанные с развитием науки, второстепенны и, так сказать, локальны. Это большая тема, требующая детального анализа. Коротко же говоря, я считаю антинаучные тенденции, в общем и целом, необоснованными и реакционными.

Вопрос 6. Нужна ли религия обществу? Есть ли что-либо, что может заменить религию? Моральный кодекс строителя коммунизма заменял 10 заповедей. В демократическом обществе не существует общепринятых этических норм, кроме содержащихся в Библии. Солдаты в Израиле принимают присягу, положив руку на Тору. В одном из интервью Вы говорите, что Павлов и Эйнштейн по существу не были верующими. Однако был и другой, не менее великий ученый, который искренне верил в Бога и считал, что наука и религия не пересекаются. Я имею в виду Паскаля. Если

религия важна для общества, то и ученый должен, по-видимому, относиться к ней толерантно.

Ответ. Я — убежденный атеист. Могу, впрочем, понять агностиков и людей, верующих в какой-то космический (мировой) разум. Последнее нечто вроде деизма; атеизм же представляется мне, по сути дела, неотличимым от пантеизма. Вот что я считаю совершенно диким для современного, по настоящему образованного человека, так это приверженность какой-либо религии в буквальном смысле, т.е. вере в чудеса вроде непорочного зачатия, воскресения из мертвых и т.д., и т.п. В далекие времена, когда науки не было, нельзя было отличить чудеса от реальности. Ведь чудо это то, что не подтверждается научным анализом. Тогда и возникла религия, впитавшая в свою структуру и определенные моральные и этические нормы. Но последние вполне могут быть приняты, и отбросив обветшалую религиозную оболочку. Так и поступают современные атеисты. К их числу относятся и светские гуманисты (я один из них). Это международное движение, возглавляемое Международной академией гуманизма (International Academy of Humanism). Подробнее об этом см. в статье В.Л. Гинзбурга и В.А. Кувакина в «Вестнике Российской Академии наук» (70(6) 483 (2000))⁵. Кстати, о Паскале — он ведь скончался в 1662 г., когда уровень научных знаний был совсем другим, чем сегодня. Наконец, о толерантности. Я никогда не был и, конечно, не являюсь так называемым воинствующим безбожником. Напротив, я убежденный сторонник свободы совести — полного права любого человека беспрепятственно верить в бога, быть атеистом или агностиком. Другое дело — убеждение в архаичности религии и стремление пропагандировать научные знания и атеизм.

Вопрос 7. Может ли общество состоять только из творческих людей? Творческий человек всегда вызывает интерес. Однако истинный творец, он всегда и паразит, живущий за счет других членов общества. Как правило, творческий человек — страшный эгоист; лелея свое творчество, он третирует своих близких и родных.

Ответ. Ваш вопрос отражает какое-то недопустимое, с моей точки зрения, деление людей на элиту и плебеев. Все люди имеют равные права. Те, кто наделен природой («игрой генов», если хотите) большими способностями, не имеют никакого права паразитировать на других членах общества, да и фактически в большинстве случаев способные, творческие люди добиваются успеха своим трудом, а не третируя и эксплуатируя остальных людей. Я убежден, что никакие способности и таланты не дают права носителю этих способностей то, что называется «класть ноги на стол». Презираю таких людей, не вижу оправдания их эгоизму, высокомерию и т.п. Другое дело, что среди очень талантливых

людей встречаются и такие, которым трудно живется в окружающем их обществе. Проявление чуткости и внимания к таким людям вполне оправданно, но отнюдь не сводится к терпимости к их хамским поступкам и т.п.

Примечания

1. Израильский журналист В. Шапиро прислал мне по электронной почте несколько вопросов. Ответы были опубликованы в статье В. Шапиро «Неограниченная ответственность», помещенной в приложении «Окна» к газете «Вести» (Израиль) от 12 апреля 2001 г. Здесь помещены вопросы и ответы.

2. В этой связи см.: Фейнберг Е.Л. Эпоха и Личность. Физики. Очерки и воспоминания.—М.: Наука, 1999. В статье о В.Гейзенберге автор высказывает мнение, отличное от других, встречающихся в литературе.

3. См. примечание 1 к статье 24. М. Хейфец почему-то думает, что мы понимали гораздо больше, чем это имело место в действительности.

4. Еще раз подчеркну, что мне недостаточно ясна ситуация и, быть может, капитуляции Японии можно было добиться лишь какой-то демонстрацией мощи атомного взрыва, а не на примере Хиросимы.

5. См. статью 28 в настоящем сборнике.